

С. Ю. Бояринов
кандидат философских наук, доцент
кафедра истории и философии социально-гуманитарного факультета
Семипалатинский государственный университет имени Шакарима
Республика Казахстан

ЗАЧЕМ СТУДЕНТУ ФИЛОСОФИЯ?

*Народные врачи отбрасывают философию;
и тот, кто хочет оправдать ее, должен
показать, для каких целей здоровые народы
пользуются и пользовались философией*

Фридрих Ницше

Что такое философия? Философы нам говорят, что это система сугубой (строгой) мысли. Сам Платон понимал под философией ту беседу, которую ведет с собой душа, когда нет других собеседников. Эта платоновская душевная беседа, переведенная на современный (технический) философский язык будет называться дискурсом, приведенным имманентной логикой рассуждения в систему, т. е. системой дискурса. Уже какой век в философском обществе считается приличным самому строить философскую систему.

Правда, после Гегеля, когда общезначимая философская система была построена, философский зуд системотворчества пошел на убыль, спорадически, от случая к случаю, от философа к философу возбуждаясь и рассеиваясь семенами здравого смысла, прорастающих частными системами-инструкциями индивидуального пользования. Страх кастрации системотворчества как дамоклов меч висит до сих пор над каждым мало-мальским философом, говорит он об этом или умалчивает, сознает он это или таит в подсознании, прилюдно провозглашая Великий Отказ от философии-системы и даже совершая не только словесное, но и мысленное деконструктивное оскотление. Все равно и на стороне блудного сына философии преследует фаллическая тень отца – Цезаря философии (властителя дум, подвид Гегеля и пр.), как бы упрекающего: «И ты, Брут!». И все же это

только часть правды (полуправда) философии, ее собственное произведение или тот ответ, который она выключивает у мудрости. Ответ-система есть рефлексивная попытка ответа на вопрос, который касается самого философа как человека. Открытость вопрошанию потрясает человека и заставляет его задуматься. Он сам есть проблема, открытая рана и боль существования. Эта боль пронзает человека сознанием необходимости освобождения от страдания. Освобождение начинается в мысли. Свобода мысли выражается в том, чтобы освободиться от личного вмешательства в имманентное движение мысли, стать чистым наблюдателем понятийного становления мышления, которое имеет своей целью не мысленное представление предмета мысли (мыслимого) или предметное отображение, а его изображение в собственной стихии, в понятийном движении в силу собственного смысла. Систематизация умоглядной (понимательной) материи, конструктивное приведение мыслей в систему останавливает выразительное движение понятий, рвет живую ткань мысли. Конструктивное (триадическое) системотворчество есть попытка философа привести свои мысли в порядок, справиться с самим собой, схватить и удержать в мысли то, что его больше всего беспокоит, – само бытие, превратить боль бытия собственного в радость познания, придав бытию смысл его осмыслением. Однако эта попытка оборачивается пыткой узнавания в бытии, отражения в нем не его самого, но только его рефлексивного отображения, так как бытие здесь является не тем, что отображается, а тем, посредством чего происходит отображение, т. е. бытием отображения, бытием осознания и узнавания. Тем самым пытаюсь бытие схватить и уложить в систему дискурсивной мысли, мыслитель уже бывает им захвачен. В естественном свете бытия сознания ему открывается суть дела разума, то, что само собой разумеется, то, что мы не можем не знать, когда по привычке говорим, не задумываясь, о том, что философию является любовью к мудрости, любомудрием. Именно так понимая философия мы даем ей возможность говорить на ее родном языке, на языке любви и мудрости. Этому языку можно научиться, принимая с любовью все сущее таким, каково оно есть. В этом умении и заключается вся мудрость. Мудр тот, кто умеет любить, мудро любит, умеет себя отдавать, с любовью, с признанием относиться к тому, что он умеет, умеет быть в согласии в мире с миром и самим собой. Это чистое умение и есть мудрость (софия).

И все же, можно ли ей научиться? Я не знаю этого, но я знаю, что ей можно учиться, можно учиться не строить системы мысли, не готовить ответ, а отдаваться стихии вопрошания, звать, внимать и спрашивать прежде всего с себя. Прививка изначальным вопрошанием, эпохальным (отрешенным от суеты накопления познаний) вопрошанием о начале вещей – вот то противоядие, которое спасает человека, занимающегося чистой философией, от университетской идеологии готового знания, знания, заведенного в лабиринт – систему идей. Именно чистая философия, философия как таковая, такая, какой она была и остается в жизни, – живая философия жизни – способна научить человека жить в мире с этим миром, который лежит во зле, способна обучить искусству жизни, умению быть не от мира сего в этом беспокойном мире. Можно ли этому научиться на занятиях по философии в университете? Можно, как и везде.

Университет здесь ничем не отличается от любого другого места. Только это обучение тому, чтобы жить без страха настоящим здесь и теперь, не сожалея и не надеясь на грядущее, не входит в программу профессиональной подготовки выпускника университета. В этом пункте современный университет расходится с философской школой, античной или восточной. Философская школа в лице своего учителя заботится о том, чтобы ученики были озабочены собой, своим человеческим совершенством, для чего необходимо непрестанно заниматься самопознанием. Университет же посредством своих преподавателей занимается подготовкой специалиста, нагруженного поклажей теоретического знания, определяющего его дальнейшую судьбу лишь настолько, насколько ее способна определить профессия. Образовательная идеология университета озабочена прежде всего не воспитанием человека, а выпуском дипломированных специалистов, овладевших

определенным уровнем знаний, который всегда может быть объективно оценен на экзамене. Университетская философия работает на социальный заказ, превращая преподавателей в государевых слуг, а ее саму – в служанку науки и политики, подчиняющейся директивам общего плана обучения и исследования. Преподаватель философии, который по долгу службы отдает свои знания студентам, заражает их своим профессионализмом, платит слишком большую, личную цену за то, чтобы иметь возможность мыслить вслух и сводить концы с концами, ведь за все приходится платить. Однако в университете, вопреки его идеологии функционального заказа, можно учить и учиться философии, заниматься не только чистой теорией, но и практической философией в той степени, в какой и университет является школой жизни. Школой жизни в том смысле, в каком она способна рождать знание, которое нельзя получить заранее. Речь идет о том знании, которое узнается всякий раз заново тогда, когда человек сам полностью присутствует в познании, самостоятельно мыслит. Такое знание, такое состояние понимания появляется в пространстве действия машины просвещения, в котором в ходе приобретения знания формируется ум и личность ученика, образуется сознание совершеннолетнего. Этот просвещенческий дух еще не выветрился из университета благодаря труду учителей, до сих пор сохраняющих верность традициям классической философской школы, несмотря на то, что университет, как и все образование, неуклонно превращается в коммерческое предприятие образовательных услуг, насаждающим идеологию торговли знанием как информационным товаром. Однако преумножение информационного капитала, размножение того знания, которое продается и покупается, как показал опыт увлечения философии софистикой, нас не спасает, не приближает к вечности, к которой мы причащаемся, если мыслим и не можем не знать, что именно так и есть всегда и сейчас, но не было и не будет во времени, как это происходит со знанием, если от него желают что-то получить, даже его само, ведь «от добра добра не ищут».

Философия – это взрывоопасная духовная смесь. Она готовится для того, чтобы произвести публичный эффект потрясения умов, ниспровержения диктатуры общего мнения, опутывающего каждого паутиной правил лицемерно приличной жизни, в которой все «шито-крыто». Так обычно представляют себе философию нетерпеливые молодые люди, рассерженные грубой прозой заразной мещанской жизни. Между тем, они еще не знают, что их естественный протест уже заранее вписан в стратегический план обывательской жизни, которая основывается на отношениях господства и подчинения, способных не только его спровоцировать, но и, разоблачив, оприходовать с немалой для перервоспитанных протестантов выгодой.

Настоящую философию трудно поймать на такую дешевую приманку прямого реагирования. Она не настолько глупа, чтобы поддаваться на провокации и липнуть на сладкий яд педагогической лжи.

Философия в качестве умудренного неведения не ведает спешки и преходящей суеты. Будучи точкой зрения вечности во времени, она предполагает нашу настроенность на то, что действительно есть, и что мы знаем в этом экзистенциальном смысле таким, каким оно не будет расстроено тем, что со временем станет ложным. То есть философия как приближение к мудрости есть умение принимать только то, что есть благодаря самому себе, что является причиной самой себя и есть такое, какое есть.

Если мы находимся в настроении, пребываем в духе, то способны услышать то, что есть не только в нас, но и во всем сущем в целом, что есть то, что есть, и в этом качестве призывает к творчеству, к самостоятельному извлечению из не-бытия того, чего еще не было, и что взывает к нашей совести, если мы, к своему стыду, зарываем наш талант в землю, не сопротивляемся заключению силы жизни в клетку безобразных человеческих условностей. Поэтому философия резистентна. Она есть стратегия сопротивления на пределе мыслимо возможного. Само предельно мыслимое не-философски немислимо.

Сопротивляемость философии состоит не в борьбе с тенями, т. е. с тем, что одновременно есть и не-есть, а именно таким является все то, что мы называем «миром по представлению» или обыденной, привычной жизнью, и что, если на него реагировать как на то, что только есть, то сразу превратит тебя в себе подобное, тенеобразное.

Для философа все это – «майя» (maуa), как говорят индийские философы – веданты, т. е. одна видимость, но реально существующая в этом качестве – качестве того, что есть и вместе с тем нет. Поэтому философская сопротивляемость состоит в отвлечении, в зависании над этой суетной возней, бессмысленной и дурно бесконечной. Только в отстранении от всего, что тебе навязано и тобой принято как само собой разумеющееся, в отвлечении от того, что приходит и уходит, внутри (в складке себя самого) освобождается пространство для души как места настройки на согласие с бытием сущего в целом, как территории резонанса, отклика на зов именно тебя и никого другого. Здесь и открывается возможность преобразования в духе, становления тебя самим собой, воплощения себя в себя или творения таким, каким не может быть никто, кроме тебя. В этом месте сбора себя в неделимое целое появляется человек как конкретная личность. Уходя в себя, человек выходит на предел – на всеобщее, явленное в его лице особым образом, как он сам.

Философское становление человека, его производство невозможно без произведений, посредством которых он становится автором самого себя, творя тем самым из своей жизни настоящий шедевр. Творящими (производящими) произведениями (артефактами) его самого выступают философские понятия или категории, которые сейчас у нас модно называть концептами. Так вот, любое философское понятие как своего рода точка натяжения мысли, снующей, как челнок по канве плана сознания и вплетающей в него как в свою основу – образ мысли – нить смысла, есть не просто понятие, но та идея (вид), в свете которой нечто становится видимым (представленным и представительным в своем виде), понятным, определенным самим видом (идеей) как пределом понимания в качестве определенного сущего.

Всегда ли и во всем философия такая, например, в педагогическом аспекте? В принципе, философия такая, какой делает ее деятель-философ, разыгрывающий на примере своей жизни извечный сюжет драмы мысли: опасной езды в незнаемое за дивом мудрости. Увлечением учеников идеей интеллектуальной авантюры, путешествия за тридевять земель за дивом дивным – мудростью не может не быть занят философ в школе, включая высшую. Здесь тридевять земель – это мир философии, вход в который бывает у каждого путника только свой, личный. У него он должен оставить всякую надежду на то, чтобы пойти общей со всеми дорогой мнения, как ему привычно. Если учитель философии толковый, то он сам в пути и такой же ученик мудрости, как и студент, а поэтому способен единственно на совет ученику относительно того, как примерно жить собственным умом. Фактически как это делать, может установить сам ученик. Другое дело, если последний имеет дело с преподавателем философии, выдающим себя за философа, но самом деле таковым не являющимся. Такой преподаватель – сущая беда для студентов, ибо он соблазняет их тем, чего сам не ведает, и что по причине его неумения с ним управиться, превращается для студентов в рисковое и опасное предприятие с ограниченной ответственностью.

Однако не надо зря отчаиваться. Надо уметь ждать, готовя себя к тому, что превосходит наши возможности в мысли, то, что можно только помыслить, что дается лишь чистой (беспредметной) мысли. Умение управлять мыслью приходит с опытом изготовления понятий, в ходе которого оказывается возможным направить мысль на покорение глубин и высот философии, на понимание того, что есть на пределе, по существу. Они, эти глубины и высоты духа чистой мысли, несмотря на свою предельную удаленность от мирской суеты, в тенетах которой копошится обыватель, находятся с тобой рядом, ближе всего остального. Ведь то, что называется миром философии, является всем, а следовательно, ничем таким, что может быть схвачено, уловлено его частью. Оно само все свои

части охватывает. Осознать этот охват может тот, кто философски относится к жизни, т. е. отвлекается от своей частичности и полагает, что незримое все, как одно, есть не только вне его, но и в нем самом.

В качестве инструмента самопознания философия наводит ученика на себя таким образом, чтобы то, что в нем есть (при том, что оно есть и во всем другом), состоялось как он сам, как событие его личного свершения в виде именно вот этого (уникального) универсального. Так учитель, который способен открыть ученикам путь к самостоятельности, к тому, чтобы стать центром, который везде, а его периферия нигде, во всяком случае, войти в точечное состояние, в котором нет разделения на бытие и мысль, на истину и ложь, но есть единение со всем сущим и на небе (в духе) и на земле (в плоти), является настоящим не только учителем, но и философом. Он подводит студента к входу в себя самого, который дает на выходе все как одно, выполненное в материале собственной личной жизни, и тем самым ведет к исполнению человеческого предназначения.

То, что философ делает в университете, можно назвать вслед за Платоном образованием, понимаемым в древнегреческом, т. е. философском, смысле *παιδείας* как просвещения – выведения ученика из сумеречной зоны невежества на свет знания, в круг истины в значении открытости (*αληθεία*), т. е. не-сокровенности сущего в целом. В ходе просвещения ученик строит свой собственный единый и неделимый образ, имея перед собой первообраз учителя в качестве примера такого самопостроения, ведь меру образования задает учитель, если он уже образован и является образцом образования, умеет держать форму, образ самого себя, что не дается, если постоянно над собой не работать.

Собирание себя в себя и для себя необходимо для того, чтобы быть готовым целиком, всем своим существом к встрече с другим, открыть и принять которого можно, только если уже сам себе открылся и себя принял таким, какой есть. Такое образование как просвещение чрезмерно тяжело и затруднительно для ученика тем, что ему на его пути не избежать отказа от того, с чем он связался, – со своими предрассудками. Выход на свет для него болезненен, ибо свет знания сначала его ослепляет. Само пребывание в месте истины как открытости всего всему не может не изменить оптику его ума, ранее приспособленного к полумраку «ходячих мнений», в неверном свете которых ничто не является в своем собственном виде.

В свою очередь, возвращение из места обитания истины как правды жизни в этот полумрак полуправды-полулжи также оказывается болезненным для ученика, узнавшего истину в той мере, в какой был к ней близок. Ведь он оставляет свою собственную Родину, т. е. свое собственное место, где он стал и был самим собой, становится добровольным изгнанником, опускаясь туда, где нет ему места, – в самую тьму неподлинной жизни, от которой он отвык, в ней потерял ориентир, ведь взор его прикован к свету, и стал «белой вороной» только ради того, чтобы найти и вывести на свет нового ученика, т. е. стать самому учителем.

Вот этот путь просвещения своего собственного существа, просвещающего мир, и делает человека добродетельным, добротнo выделанным, пригодным к всеобщему служению, что возможно, если только если он высобственен в свое собственное существо как в то единственное место, в котором явлено пребывает бытие, становится открытым вверенной ему мысли как таковой, которая держится в круге бытия и тем самым сама удерживает, схватывает его как то, что ей ведомо.

Ведомые бытием как тем, что в опыте чистого (философского) мышления сбывается в качестве их собственного существа, выступают учитель и ученик в качестве ведущих героев драмы высшего образования, как испытания духа правдой, истиной как естиной, естеством сущего, его бытием.

Насколько высшим, т. е. предполагающим высвобождение, отпущение учителя и ученика в открытость бытия, является настоящее, так называемое «высшее образование»? Настолько, насколько оно преданно, вверено делу просвещения как становления целого

человека. Местом такой встречи ученика с учителем, которая увенчивается событием образования собственного образа, казалось бы, является университет по идее, по своему понятию способный предоставить условия для целого в своей универсальности образования. Однако готов ли к этому университет начала XXI века? Тот университет, который озабочен, прежде всего, не укреплением основ зиждательного знания как знания самого знания, не утверждением научного утверждения, духа исследования, ведущего человека к освобождению, но рецептурной технологией выведения готовых специалистов, обречен являться одной только имитацией университета, своей собственной симуляцией.

Такова сейчас незавидная судьба университета, ставшего местом продуцирования стандартной информации, поставленной на поток репродуцирования специальных компетенций «профессионального кретина». Потребность в последних вызвана необходимостью обеспечения поставок для представляющего мышления как главной установки технического (утилитарного) отношения к жизни, ее усложняющейся общественной эксплуатации. Заложником всей этой системы массового (в перспективе тотального) отчуждения становится сам человек, в том числе в качестве и студента и преподавателя. Это та цена, которую платит человек за удобства жизни, за так называемый «научно-технический прогресс».

В связи с коммерциализацией знания в современном университете классический сакраментальный вопрос о предмете чистого мышления «Истинно ли это?» вытеснен из сознания интеллектуалов (об интеллигенции, которая по своей природе бескорыстна, тут и речи нет по причине ее полного исчезновения) модным конъюнктурным вопросом «Можно ли это продать?». Превращение университета в предприятие образовательных услуг «приземлило» саму идею образования, сделало его расхожей монетой спекулятивного интереса. Однако и здесь правит свой ход судьба бытия, отступающего в неведомую даль, в тень, которую отбрасывает раскрывающаяся в полную ширь проективная мощь человеческого замысла, находящего во всем, что есть, точку приложения своего собственного расчета. В итоге все, что встречается на его пути расчета со всем, обращается в него, самого сведенного к счету. Склонность, интерес к расчету имеет спекулятивный характер, т. е. представляет собой только себя, во всем видит и находит лишь свое отражение, собственный образ расчета, вычисления своего интереса (недаром в таком сейчас фаворе информационные технологии с их обесмысливающим все начинания тестированием всего и вся). Этот интерес замкнут на себя, он является и стимулом, и результатом спекулятивного (зеркального) обмена тем, что подлежит расчету, а ему подлежит все, что может быть рассчитано. Эффектом такого спекулятивного расчета становится чистый приход символического и его материализация в ущерб всему реальному, рассчитанному и пущенному в расход, в дыру ничто.

Материальное торжество символического, сведенного с высот духа (означаемого) на землю буквы (означающего), знака, его буквальное, спекулятивное, автореферентное (самопредставляющее) симулирование есть сатанинское, вернее, люцифе(е)рическое воплощение, рожденное в грехе семиотического самовозбуждения и получения буквального, автоэротического удовлетворения. Вот это символическое, в проекте идильное, а в денежном выражении материальное, для своего мирского господства не может не опираться на глобально (в тенденции) разветвленную сеть коммуникаций, ведь именно через и посредством нее как своего технологического тела оно и существует.

Глобальное символическое общение и обмен информацией, превратившейся в капитал по преимуществу с целью обеспечения его идеального (сверхпроводимого) циркулирования, нуждается в образовании высокотехнологических предприятий по образованию будущих специалистов, обученных преподавателями проводить на своем специальном рабочем месте перевод информации в капитал и капитала в информацию. Вот почему на наших глазах происходит чудо магического превращения классического университета в рекламное бюро взаимовыгодных услуг, учителя в преподавателя, рекламирующего и

передающего свой товар – информацию и способ ее извлечения и использования в личных и общественных интересах, ученика в пользователя информации в прагматических целях, а само знание-добродетель в информацию-сделку.

И именно в это дело всеобщего использования внесла свою лепту философия. Ее грехопадение случилось уже тогда, когда она, еще будучи тем, что древние называли «самым важным, самым ценным» (когда еще люди ведали, что не продается вдохновение и не покупается знание), увлеклась спекуляцией понятий, впала в иллюзию чистого разума. Одно дело, когда философия из любви к мудрости устанавливает истину на пределе познавательных возможностей человека, живущего в согласии с тем, что он таким любящим применением мудрости на самом деле установил, и тем самым сбывается по своему «мировому» понятию, содействуя последней цели человека быть самим собой, собранным умом в единое и неделимое целое.

Другое дело, когда она сбывается по своему схоластическому понятию как умение составлять систему абстрактных знаний из понятий. Если в первом случае философия есть «философия по жизни», т. е. умение человека мыслить самому и быть самим собой, т. е. быть одним и тем же в мысли и жизни, т. е. умением устанавливать истину, давать себе разумный закон и жить в согласии с ним, то во втором случае она есть «философия по понятию», т. е. умение только создавать философскую систему, рассуждать о понятиях. Правда, в последнем случае философия не сможет состояться и будет только своей собственной имитацией, всегда чужой, не своей, симулирующей оригинальность, если она не будет предполагать философского отношения к жизни и соответствующего этому отношению образа жизни.

Иначе говоря, условием возможности существования философии как философии является сам человек, становящийся в жизни философом не просто как следствие, некий побочный продукт рефлексивного производства, функционирования некоторой философской школы, но как действующая причина философии, автор системы или, по крайней мере, понятия философии, сделавший экзистенциальный выбор философии. Это не значит, что он станет чистым (идеальным) философом, ведь он все еще остается человеком, даже, возможно, где-то и в чем-то филистером.

Несмотря на недостижимость состояния идеального философа (т. е. мудреца, как это ни парадоксально, преодолевшего в себе философа и ставшего чистым воплощением идеи философа в жизни) как состояния постоянного, философ все же к нему приближается в ходе напряженной работы над собой, что составляет основную жизненную проблему человека. Разрешение этой проблемы доступно только мастеру, способному производить, мастерить, изготавливать такие умные вещи, которые мы называем понятиями и посредством которых становится возможным понимать бытие, т. е. производить понятия как средства производства себя человеком как единственным на земле существом, способным существования которого является понимание.

Мастером же человек становится сам, но если у него есть учитель как пример, на котором он учится. Даже если у него нет учителя, он сам становится учителем самого себя, самоучкой (автодидактом). Однако все же легче поучиться на опыте других, чем на своем собственном, зато на последнем учиться более надежно и верно. Логично допустить, что если есть ученик и учитель, то есть и учение (или доктрина) как предание (или традиция), а с ним и школа (σχολή) со своей техникой (τεχνη). Школа же предполагает специализацию по разделам учения и подготовку по ним профессионалов.

Само развитие философии как наукоучения приводит ее к институционализации, утверждению ее законного (легитимного) места среди всех прочих общественных установлений. С течением времени в школьной философии, вне которой философствование становится случайным и исключительным явлением, возрастает доля доктринального знания. Доктринальное знание не только дисциплинирует мышление философа, но и ограничивает его в исследовательских действиях рамками установленного авторитета или

парадигмы (образца), т. е. рационально приемлемого прошлого, которое в свете нового знания становится уже мнимым, релятивным мнением. Тогда как доля проблематического, поисково-исследовательского знания убывает. В результате в философском сообществе начинает задавать тон не философ по любви (мотиву) и призванию, философ по духу, который, как известно, свободен и веет, где хочет, но философ по должности, по месту прописки, по букве закона. Буквальный философ как любитель ходячих мнений и прописных истин (филодокс) отрывается от жизненных корней философии, от самого духа свободной мысли, необходимой только в качестве самой себя, восполняя ее недостаток избытком абстрактных (спекулятивных) вторичных допущений, представляющих искаженный образ философии в кривом зеркале массовой (современной) культуры.

Вот такой философ-схоласт как раз и нужен высшей школе в качестве администратора-технолога, управляющего процессом брожения образующихся умов в строгом соответствии с жесткими правилами учебного дискурса с обязательными вопросами и готовыми ответами, стереотипными программами, бестолковыми экзаменами (чего стоит хотя бы затея отечественных чиновников от философии по введению вместо классического экзамена кандидатского минимума по философии экзамена по предмету «Философия и история науки», название которого, помимо своей кричащей бесстыльности, отражает пораженческий дух школьной философии, сдавшей на милость торжествующей бестии науки) и глупыми тестами, – иных в действительности не бывает. И все это неспроста происходит в настоящее время, когда школьная (академическая) философия переживает упадок, когда подлинны философы, а не только современные софисты – релятивисты (позитивисты) и симулянты мысли (постмодернисты), отдают себе отчет в очевидном исчезновении философии как школы. Недаром почти все философы числят себя в ведомстве той или иной философской школы не столько из идейных соображений, сколько из партийной, ученической принадлежности. Туда ей и дорога – в небытие. Если вся ее школьность выродилась в технику выживания.

Тем лучше для истинной философии как школы умной, а не лукавой, рабской мысли, вся школьность которой не может не научить, вернее, может только научить тому, что значит мыслить экзистенциально, а именно: не спорить друг с другом, публично не болтать, но творить смыслы и понимать, что другого не переспоришь, ведь в этом нет никакого смысла, а потому и не нужно. С возрождения этой вечно становящейся в свободе философии и начнется возрождение высшей школы науки, а не техники, мысли, в которой роль философии будет вдохновляющая и направляющая не туда, куда надо массам или их вождям, а куда необходимо истине, которой с ними не по пути. Вот такая философия и является тем фунтом лиха, от которого становится лихо догматикам, скептикам и симулянтам мысли, неспособным творить, создавать понятия как средства решения жизненных проблем. В этом качестве философия как раз нужна и студенту не-философу, т. е. тому, кто не является философом-профессионалом, перед которым у него есть одно преимущество – преимущество того, кто является другим.

Философ-специалист, если он философ, должен брать со студента пример – учиться, как это не парадоксально, преодолевать самого себя, становится другим, не-философом, студентом, чуждым философии. Ведь именно эта двусмысленность или антиномичность самого становления делает его философом, равным образом причастным и не-причастным философии, становящимся одновременно ее другом и врагом. Такова его судьба – становиться философом и в этом становлении становится не-философом, ложным другом философии: догматиком, скептиком, эпигоном, симулянтом и даже несовершеннолетним учеником, профаном, простецом, идиотом, кататоником, параноиком и шизофреником в мысли, чтобы тем вернее всех их вывести на чистую воду истины.

Путь к истине ведет философа к отказу от философии, сопротивлению своему наличному состоянию философа ради творения самой философии из невозможности мыс-

лить, из того, что предшествует мысли, всегда несвоевременной в своем начинании, а потому единственно свободной и небывалой, парадоксальной в собственной только ей заумности, вызывающей недоумение.

Таким образом, подходя к окончательному в нашем рассуждении выяснению того, зачем студенту нужна философия, мы утверждаем, что она нужна ему всего лишь затем, чтобы быть самим собой, что невозможно без становления другим. Это «всего лишь» и является тем фунтом лиха, который дорогого стоит – животной сытости мещанского счастья. То, что философ становится не-философом именно для того, чтобы философствовать, расходится с обычным пониманием философии как мышления, предполагающего узнавание, которое не вызывает затруднения. Какое может быть проблема в том, что и так известно. Ведь узнается то, что прежде было. Между тем проблема заключается в том, что заставляет мыслить. Но если заставляет, то мысль, ведущая философа к истине, оказывается не вольной, свободной в своем самообосновывающемся порождении, но невольной, вызванной действием на ум чего-то незнакомого, непонятного, потрясающего и удивляющего, странного до жути в своей бесподобной непредсказуемости существования. Именно в качестве не-философа, профана-простеца, не ведающего того, с чего надо начинать мышление, оно на самом деле и начинается, приводимое в движение не мыслью (мысль мыслью не рождается), но самим бытием, тем, что доподлинно есть.

Как студенту для его собственного (личного) становления нужна, просто необходима философия, философу необходима не-философия. Переживая становление не-философом, например, студентом, философ начинает ощущать, воспринимать то, что можно только ощущать и воспринимать, чтобы понимать, а понимая, признавать это в качестве перцептивного опыта. Становясь студентом, «вечным студентом» или преподавателем, который учится вместе со студентами и вместо них после их выпуска в качестве готовых специалистов-знатоков со следующим поколением студентов, философ-недоучка переживает чистый аффект становления, превосходящий все мыслимые возможности понимания и тем самым действительно становится другим, преобразованным в умудренного, наученного исследовательским испытанием чистого чувства, восприятия, страсти, знания и понимания человека.

Таким образом, философия фактически нужна только тем студентам, которые пришли в университет учиться мудрости, заниматься поиском неведомого, исследованием истины, а не получать готовую информацию, то, что уже не может не быть известно. Но если уж занялись исследованием того, что было, есть и будет, то они должны съесть пуд соли сомнения, узнать, что стоит фунт лихого знания, которое просто так, без труда ума и души, не дается.